Премия раздора, или Институты на перепутье. Нобелевская премия — 2024

Юлия ВЫМЯТНИНА,
профессор факультета экономики, Европейский университет в Санкт-Петербурге

В 2024 году премия Шведского национального банка по экономическим наукам памяти Альфреда Нобеля была присуждена американским экономистам Дарону Аджемоглу (MIT), Саймону Джонсону (MIT) и Джеймсу Робинсону (University of Chicago) за «исследования того, как формируются институты и как они влияют на благосостояние». Их работы показали, как институты — правила игры в экономике — связаны с долгосрочным экономическим ростом страны, а также при каких условиях можно ожидать улучшения институтов.

Основным толчком к изменению институтов становится недовольство широких народных масс существующим распределением ресурсов

Обычно на нобелевские премии по экономике люди вне профессии практически не реагируют. Однако в этот раз все было иначе, ведь бестселлер Аджемоглу и Робинсона «Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты» читали многие. И если известный литературный критик Галина Юзефович высказалась в том смысле, что наконец-то нобелевскую премию по экономике дали за дело, то многие профессиональные экономисты встретили новость вопросом: «А что, эта премия теперь присуждается за публицистику?» Попробуем разобраться, что же все-таки сделали нобелиаты этого года и почему сообщество экономистов не в восторге.

Нобелиаты этого года исследовали среди прочего, как объяснить разницу в благосостоянии стран и почему бедным странам так сложно догнать богатые. Их основной тезис — все зависит от институтов, которые проще всего определить как «правила игры», по которым строятся взаимоотношения в обществе. Важность институтов очевидна экономистам еще с первых работ Дугласа Норта[1] на эту тему в 1970-х годах.

[1] Дуглас Норт (1920–2015) — американский экономист, известный тем, что ввел в экономику понятие институтов. Особое внимание он уделял институтам прав собственности (в первую очередь — на землю и интеллектуальную собственность). Лауреат Нобелевской премии по экономике 1993 года за «возрождение исследований в области экономической истории, благодаря приложению к ним экономической теории и количественных методов, позволяющих объяснять экономические и институциональные изменения» (совместно с Робертом Фогелем).

Но проблема в том, что очень сложно установить направление причинно-следственной связи: институты определяют экономическое развитие или наоборот. Институты эндогенны — они являются результатом предыдущих многочисленных решений, позволявших получить определенные экономические результаты, но также и определяют то, какие выборы будут сделаны в дальнейшем и какие результаты будут получены.

Аджемоглу, Джонсон и Робинсон определили «плохие институты» как экстрактивные — направленные на получение дохода для элит за счет масс, а «хорошие институты» они назвали инклюзивными — позволяющими вовлечь людей в политическую и экономическую деятельность для реализации своих идей, талантов и устремлений. Но на практике, хотя эти различия интуитивно понятны, для них сложно придумать хорошо измеримое определение. Почти любая переменная, которую используют как меру институционального развития или качества институтов, подвергается критике либо как слишком произвольная (если полагаться на экспертное мнение), либо как слишком общая и не позволяющая различать нюансы.

Чтобы дистанцироваться от эндогенности институтов и сложности определения их типа, Аджемоглу, Джонсон и Робинсон[1] изучили взаимосвязь колонизации (и приносимых начиная с 16-го века колонизаторами политических и экономических институтов) с уровнем развития, который наблюдается у стран в настоящее время. Важную роль в их анализе играла смертность колонистов — чем она была выше, тем меньше было желания колонизировать соответствующую область, тем хуже оказывалось качество институтов. Там, где колонисты лучше «приживались», развивались инклюзивные институты, способствующие соблюдению закона и экономическому развитию. Там, где колонисты не хотели селиться, развивались экстрактивные институты, способствовавшие эксплуатации местных ресурсов и/или местного населения без заботы о будущем процветании таких мест. Эмпирический анализ, проведенный авторами, подтвердил, что от того, какой тип институтов был установлен колонизаторами, зависело экономическое развитие страны несколько столетий спустя.

Однако этот результат нельзя считать полностью доказанным. Во-первых, проблема эндогенности не решена полностью[2] — поселения колонистов принесли местному населению не только новые институты, но и самих колонистов — с их культурой, религией, человеческим капиталом. Там, где колонисты основали собственные поселения, развивалось образование, использовались привезенные из Европы технологии. Все это — факторы, способствующие долгосрочному росту, и этих факторов не оказалось в тех районах, где было выгоднее установить экстрактивные институты. Сложно также не учитывать роль климата, определявшего, где смогут выжить европейские переселенцы, а также то, какие ресурсы будут доступны на разных территориях[3]. Среди экономистов, вопреки мнению Нобелевского комитета, нет согласия о том, как именно устроена причинно-следственная связь в этой истории.

Но помимо эмпирических исследований Аджемоглу, Джонсон и Робинсон разработали также и теоретическую модель[4], которая призвана объяснить, как институты могут меняться. В частности, как «плохие» институты можно заменить на «хорошие» (но важно помнить, что в реальности это занимает время). Основным толчком к изменению институтов становится недовольство широких народных масс существующим распределением ресурсов. Правда, массовых протестов может быть недостаточно для изменения ситуации — правящая элита может тянуть время, обещая провести необходимые реформы, а может воспользоваться силовым аппаратом. Не всякое народное недовольство приводит к революции и смене элит.

Но в некоторых случаях массовость протестов может привести элиты к необходимости не просто обещать улучшение жизни и экономические реформы, но и проводить их, поскольку альтернативой является потеря власти. Последняя часть — выполнять свои обещания — становится важной частью формирования новых, демократических институтов, когда правящие элиты считаются с мнением народа. Правда, история может на этом не закончиться, и институты могут колебаться от экстрактивных к инклюзивным и обратно.

Стоит пояснить, почему акцент на инклюзивных — демократических — институтах представляется авторам теории настолько важным. Эти институты дают эффективный с точки зрения общего экономического благосостояния результат. Ключевое слово здесь — «общего». Эффективность рассматривается не с точки зрения улучшения ситуации для каждого отдельного гражданина, а с точки зрения всего общества в целом. Инклюзивные институты позволяют увеличить общий выпуск в экономике по сравнению с экстрактивными.

Но с точки зрения формальной модели авторов важно отметить три результата, которые связаны с тем, пользуются ли элиты доверием со стороны остального населения. Если доверия нет, то в случае массовых протестов элиты теряют свой статус и происходит демократизация и переход к новым институтам. Если доверия нет, но и массовых протестов нет или они подавляются, возможно сохранение неэффективных институтов на длительное время. Если же доверие есть, то достигнуть эффективный (с экономической точки зрения) результат можно и без перехода к инклюзивным институтам. Эти результаты объясняют, почему институты практически невозможно насадить извне — переход к другим институтам должен идти изнутри общества, а не привноситься в него со стороны.

[1] Acemoglu, D., S. Johnson, and J.A. Robinson (2001), «The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation», American Economic Review 91, 1369–1401.

[2] Glaeser, E., R. La Porta, F. Lopez-de-Silanes, and A. Shleifer (2004), «Do Institutions Cause Growth?», Journal of Economic Growth 9, 271–303.

[3] Myrdal, G. (1968), Asian Drama: An Inquiry into the Poverty of Nations, vols. 1–3. Twentieth Century Fund, New York.

[4] На самом деле ряд моделей, отталкивающихся от одной общей идеи. См., например, Acemoglu, D., S. Johnson, and J.A. Robinson (2005). «Institutions as Fundamental Causes of Long-Run Growth», in Aghion, P. and S. Durlauf (eds.), Handbook of Economic Growth, Vol. 1A, Amsterdam, NL: Elsevier, North-Holland; Acemoglu, D. (2003), «Why Not a Political Coase Theorem? Social Conflict, Commitment and Politics,» Journal of Comparative Economics 31, 620–652; Acemoglu, D. and J. A. Robinson (2000), «Why Did the West Extend the Franchise? Democracy, Inequality, and Growth in Historical Perspective», Quarterly Journal of Economics 115, 1167–1199.

При наличии доверия к власти можно получить экономическую эффективность без перехода к институтам, которые принято считать «хорошими»

Стоит подчеркнуть, что при наличии доверия к власти можно получить экономическую эффективность без перехода к институтам, которые принято считать «хорошими». Это важный результат, который часто забывают — страны могут эффективно развивать свою экономику без полноценных инклюзивных институтов. Это может объяснять с точки зрения институциональной экономики, почему Китай показывает не самые худшие экономические результаты при отсутствии инклюзивных институтов. Но важно и то, что при отсутствии доверия страна может застревать в неэффективных с точки зрения экономики институтах — похоже, что мы видим это в данном случае на примере многих развитых стран, где почти любое голосование зависит от долей процентных пунктов. Означает ли это, что инклюзивные институты в этих странах перестали работать?

По мнению некоторых экономистов[1], эти институты не являются инклюзивными, так как основаны на охране частной собственности, прежде всего на землю (вспомним Дугласа Норта), а затем и на все остальное. А частная собственность сама по себе является типичнейшим экстрактивным институтом, позволяющим за счет имеющихся в распоряжении человека ресурсов получать доход от других людей (см. определение экстрактивного института выше). И это хорошо объясняет, почему развитым странам не удалось решить проблему экономического неравенства — хотя, согласно исследованиям Пикетти, оно снижалось на протяжении значительной части XX века, тренд развернулся, и неравенство возвращается к более исторически привычным значениям.

Фактически, нобелиаты этого года, не имея достаточно глубоких знаний по истории хотя бы экономических (а лучше и политических) процессов, построили сильно идеологизированную теорию, под которую подтянули сомнительные эмпирические свидетельства. Вместо чтения работ Аджемоглу, Джонсона и Робинсона стоит почитать хороших экономических историков — понимания об устройстве мира точно станет больше.

[1] Капелюшников Р. И. «Contra панинституционализм». ВШЭ. Препринт WP3/2019/03. https://wp.hse.ru/data/2019/04/22/1178838994/WP3_2019_03_____.pdf.